

Л.С. МАМУТ

Наука и образование в современной юриспруденции

Теснейшие узы связывают науку и образование, они активно взаимодействуют друг с другом со всеми вытекающими из этого важными последствиями, особенно на современном этапе исторического развития социума. Сказанное в полной мере относится и к юриспруденции – области знания о праве. Прежде чем в самых общих чертах рассмотреть сложившееся на сегодня (а также долженствующее быть) соотношение науки и образования в юриспруденции, придется дать краткое определение самих понятий науки, образования и знания, взятых в их абстракции. При этом вполне естественно опереться на известные характеристики данных понятий, имеющих в литературе.

Сначала о науке, представляющей собой двуединое целое. Одна ее сторона – совокупность специфически существующих и на свой лад работающих знаний. Но вместе с тем наука занимается поиском, обнаружением и объяснением скрытых, доселе не известных исследователю граней (элементов, признаков, состояний) исследуемого объекта; наука – процесс производства, получения нового знания о природе вещей [Ракитов, 1977]. В таком качестве занятия наукой (во всяком случае, с XVII в. в Европе) отличаются от усилий по совершенствованию личности, от гуманитарного и культурного воспитания (то есть воспитания начитанного, обладающего хорошим вкусом, умеющего мыслить, владеющего речью и т.п.) человека (см. [Шкуратов, 1977 с. 63]).

Образование в рамках настоящей статьи рассматривается достаточно узко. Под ним подразумевается обучение в вузе, организованное по соответствующим формально устанавливаемым правилам. Сердцевина обучения – трансляция, передача выработанных (добытых) и накопленных наукой знаний об исследованном ею объекте, способов (методов) обретения таковых плюс непременно их восприятие и обязательное усвоение темы, кому вся эта информация адресуется. Иначе научное знание во многом лишается смысла. Несколько слов о феноменах, которые с образованием органически сопряжены, однако им не являются. Речь идет о просвещении (пропаганде, распространении и популяризации научного знания), воспитании и социализации (см. [Мудрик, 2000]).

Некоторая ясность по поводу дефиниций науки и образования достигается сравнительно легко. Сказать то же самое в применении к сущностным свойствам знания едва ли возможно. Ведь для того, чтобы вычленить и описать знание (даже сверхлаконично) в качестве самостоятельного, обособленного предмета, требуется заранее проанализировать и упорядочить большое число весьма сильных и далекоидущих мысленных отвлечений (см. [Крымский, 1974, с. 22]).

Поэтому приходится довольствоваться лишь указанием на то, что знание – чрезвычайно сложный социопсихический феномен. Констатируется наличие в нем раз-

---

Мамут Леонид Соломонович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН.

ных уровней, типов, композиций, временных пластов, единиц знания. Отмечаются, в частности, такие его уровни: собственно научно-теоретическое (обобщенно-научное и конкретно-научное) знание, научно-теоретическое знание, адаптируемое и используемое в решении задач общественной практики (материальной и социальной); научно-теоретическое знание, необходимо трансформируемое в учебное, приспособляемое для целей преподавания и усвоения учащимися, обыденное (складывающееся в повседневности) знание. Не следует противопоставлять друг другу перечисленные уровни знания. Все они так или иначе соотносятся с истиной, совместимы со здравым смыслом, однако нужно всегда точно схватывать и тщательно нюансировать своеобразие каждого из них. Ясно, что наибольший интерес вызывает диалектика собственно научно-теоретического знания и того материала (учебный курс), который ныне преподносится студентам (слушателям) юридических вузов.

* * *

Отправным пунктом последующих рассуждений должен быть ответ на вопрос о том, каково в действительности подлинное содержание юридического знания. Почему поставлен именно этот вопрос? Причина интереса к этой проблеме хоть и лежит на поверхности, но очень важна.

Традиционно в юридическом мышлении многими отождествляются право и закон, либо одно из них принимается за другое. Кое-какие основания для подобного *faux pas* есть. Однако с научно-теоретической точки зрения категорически следует их самым детальным образом различать; причем по всему спектру порознь присущих праву и закону собственных имманентных черт.

Идея отмежевания права от закона на новизну нисколько не претендует. Ведь еще древнеримские юристы противопоставляли право закону. В дальнейшей европейской социокультурной истории взгляд на соотношение права и закона сильно колебался: от стопроцентной идентификации одного с другим до приведения аргументов, доказывающих наличие абсолютного разрыва, “китайской стены” между ними. Крайности, которые допускались ранее и допускаются сегодня, очевидны.

Прежде чем перейти к рассмотрению фактов, относимых к миру юридического и снаружи кажущихся нераздельными, необходимо акцентировать внимание на том, что *закон* произведен от государства. Он и впрямь неразрывно и генетически связан с государством. Общеизвестно, что под законом разумеют официальную общеобязательную норму внешнего поведения субъектов (акторов) социального взаимодействия. Такая норма устанавливается (санкционируется) исключительно органами и должностными лицами государства. В случае отклонения кого-либо из участников социального взаимодействия от предусмотренной этой нормой модели поведения наступает возможность применения к нарушителю (неисполнителю) предписаний закона мер государственного принуждения.

Когда закон расшифровывается в общетеоретически-легалистском контексте, его определению нужно давать расширительное толкование: видеть в нем не только (и единственно) исходящий от законодательного органа государства акт, принятый по специальной процедуре. В оговоренном контексте он – вся система существующих официальных нормативов поведения, которая охватывает собой как законодательство, так и совокупность соответствующих ему подзаконных актов.

Нерасторжимая, органическая связь имеется не между государством и правом, а между государством и его законом. Действительно, нет государства без созданного (либо санкционированного) им закона, равно как нет (по общему правилу, не может быть) закона без и вне государства. А потому изучать их в отрыве друг от друга – нелепое, напрасное занятие. Тут я расхожусь с академиком В. Нерсисянцем (наверное, не только с ним), который считал единым предметом юридической науки два фактически разных объекта: право и государство; правда, он охватывал их одним понятием концептуально, в гносеологическом ключе (см. [Нерсисянц, 1999, с. 4–6]).

Наука о государстве, наука о законе и наука о праве в условиях современной, постсоветской России объединены. Так было еще в Советском Союзе. Но объединены

они под эгидой теории государства и права. Получившийся симбиоз сомнителен (на мой взгляд, ошибочен) не в силу того, что государство и закон исследуются вместе, сообща. Тут все в порядке. Причина аномалии иная.

Наука о государстве и наука о законе (легалистика) противоестественно оказались намертво сцепленными с юриспруденцией – наукой, которая постигает и объясняет не государство и закон, а право. С тем же успехом можно легко сфабриковать теорию государства и психологии или, допустим, теорию эстетики и права. Однако каков познавательный эффект от таких безрассудных, волюнтаристских скрещиваний? И не сверхпроницательному человеку ясно, что к ним побуждают не интеллектуально-когнитивные, а идеологические (плюс еще какие-то иные) соображения, преследование определенного социального интереса.

Наука о государстве и смежная с ней легалистика качественно не схожи с наукой о праве (юриспруденцией). У первых двух разные с юриспруденцией объекты познания. По одну сторону – государство и порождаемые им законы, их генезис и последующая эволюция, опредмечивание (образование и движение институтов публичной власти), функционирование публично-властной организации социально стратифицированного общества, и т.п. По другую – некоторый порядок взаимоотношений между членами данного общества; он ярко выражается, в частности, в одновременном обладании этими субъектами правомочиями (фактическими и легитимированными господствующей социкультурой возможностями) и коррелирующими с правомочиями и равнодостоинными им обязанностями (долженствованиями), свободой мысли и действия и ответственностью за совершаемые действия. Неудивительно, что у науки о государстве, науке о законе и юриспруденции не во всем и не всегда совпадающие приемы, методы познания исследуемых ими объектов, разнящихся по своей изначальной природе. Это закономерно: ведь методы, методики, приемы и т.п. вторичны; они так или иначе зависят от сущностных черт изучаемых с их помощью явлений. Примерно те же самые по смыслу слова надлежит сказать о концептуально-понятийном аппарате (а еще шире – о языке) этих наук. Их концептуально-понятийные аппараты – менее всего копирующие друг друга близнецы. Каждый из них своеобразен, индивидуален. Достаточно пролистать вышедшие за истекшие годы российские учебники (курсы) по теории государства и права, чтобы удостовериться в прокламируемой (и доказываемой) в них нетождественности государства, закона и права, воочию убедиться в разности проистекающих из признания этого факта следствий.

В ряде случаев авторы прямодушно делят написанные ими тексты на информацию о государстве и на информацию о законе, вкрапывая ненароком в последнюю чужеродные для нее сведения о праве (см. [Общая... 2002]). Проблематика государства, закона и права не распределяется по соответствующим отдельным частям (разделам), а излагается непрерывно, без каких-либо смысловых пауз (отличаясь лишь номерами глав, тем и т.п.), выступая в довольно сложном переплетении многообразных сюжетов (см. [Теория... 2002]). Тем не менее и здесь просматривается не находящая никакого научного обоснования идентификация государства, закона и права.

Никто не собирается отвергать ту банальную истину, что в социальном мире нет вещей, герметически закупорившихся в своей уникальной самости и потому безоговорочно избавившихся от чьих бы то ни было посторонних влияний. В нем все (или почти все) прямо либо косвенно взаимодействует друг с другом; все в нем скреплено в единый Универсум пространственно-временными, причинно-следственными, структурными, функциональными и прочими многообразными связями, зависимостями. Тем более они имеются между такими социальными институтами, как государство, закон, право, которые диалектически контактируют (контактируют постоянно) между собой. Но они также тесно связаны с моралью, религией, экономикой, наукой и пр. Важно в данном случае твердо понимать: все подобные контакты возможны лишь благодаря тому, что каждый из названных институтов сохраняет свою собственную суть и не растворяется в некоей однородной, безликой массе.

Теперь о принципиальной неодинаковости наук (деятельности, сопряженной с расширением, углублением и совершенствованием знаний) о государстве, законе, праве и преподавания (допустим, вузовского) уже имеющихся сведений, которые каса-

ются государства, закона, права. Эта идея неодинаковости научно-исследовательской работы в области государства, закона, права и работы преподавательской, учебной со студентами (слушателями) юридических вузов в профессиональных кругах обсуждается не первый год.

Одни авторы стараются избежать участия в содержательной дискуссии о таких несовпадениях и их причинах. Они укрываются за фразами о “предмете вузовского курса” (определяемом весьма туманно) и набором высказываний о “функциях теоретической науки” (вероятно, не подозревая, что “теоретическая наука” – плеоназм, противопоказанный рациональному мышлению). У некоторых теоретиков, издающих свои учебники, вообще даже нет упоминания о том, что наличествуют учебные дисциплины, преподаваемые с целью получения студентами (слушателями), заинтересованными читателями знаний о государстве, законе, праве.

Каким-то недоразумением выглядит отсутствие в добротном (почти девяностотрехтомном!) труде, предназначенном знакомить “студентов с самым широким спектром давно существующих и совершенно новых институтов” и быть полезным тем, кто “изучает общую теорию государства, политическую теорию”, хотя бы двух-трех страниц, раскрывающих читателю соотношение науки о конституции и базирующейся на этой науке учебной дисциплине (см. [Конституционное... 2005]). Немного лучше выглядит недавно вышедший трехтомный академический курс общей теории государства и права. В нем приблизительно 1500 страниц. И только на одной (!) из них скороговоркой разъясняется, что “в общей теории государства и права как учебной дисциплине освещаются лишь основополагающие положения, наиболее существенные, узловые проблемы государства и права, принципиальные выводы о государственно-правовой деятельности” [Общая... 2007, с. 20].

Есть, разумеется, специалисты, ясно понимающие наличие таких дисциплин. Они исходят из того, что “изучение теории государства и права в рамках науки и учебной дисциплины предполагает различные уровни познания” [Теория... 2005, с. 31]. Во-первых, в рамках науки о государстве, законе, праве изучается не теория (определенная совокупность знаний, принципы их обретения и упорядочения); доскональное владение ею научным работником, исследователем презюмируется¹. Во-вторых, науку от учебного курса (вузовской учебной дисциплины) отличают, наверное, не столько уровни деятельности, осуществляемой в их форматах, сколько иные фундаментальные моменты.

В современной специальной литературе встречается (наряду с отмеченными фактами) и немалое число здравых, позитивных положений, в которых адекватно характеризуются специфические черты наук о государстве, законе, праве и соответствующие вузовские учебные дисциплины. Нельзя, например, не признавать верности слов о том, что: “цель учебной дисциплины – доведение до обучаемых при помощи методических приемов, учебного процесса уже добытых наукой и апробированных практикой знаний, цель науки – приращение, накопление новых сведений учеными-исследователями с использованием всего методологического арсенала”. Также надо согласиться с тем, что система учебной дисциплины достаточно субъективна, ибо во многом производна от усмотрения составителей программ этой учебной дисциплины [Теория... 1997, с. 25].

Есть резон в наблюдениях, в которых подмечено, что преподаванием решаются по-преимуществу задачи общеознакомительного характера. Учебные дисциплины (курсы) надо обязательно ограничивать рассмотрением лишь безусловно необходимых студенту и могущих быть им усвоенными систем понятий, при этом строго чтя нормальный студенческий “порог допустимости” интроецируемого знания. Желательно

---

¹ По-видимому, иной точки зрения придерживается Е. Суханов. Он пишет, что цивилистика как наука о гражданском праве и законодательстве, его опосредствующем, “изучает понятие (курсив мой. – Л.М.) гражданского права... его происхождение и развитие” [Гражданское... 1998, с. 46]. Конечно, понятия всегда находятся в окуляре науки. Однако главная ее забота – исследование, познание предстоящего ей объекта. Неприемлемо даже косвенное согласие с отождествлением понятия – категорией аналитического характера – с реальной действительностью.

добиваться преподнесения материалов учебных дисциплин в несколько облегченной форме, в сравнении со стилем научного текста.

Нет нужды подробно, исчерпывающе аргументированно доказывать, с одной стороны, существование глубинного несходства науки, научно-исследовательской деятельности с учебными курсами, с их преподаванием в вузах, а с другой – наличие теснейшей связи науки с теми самыми учебными дисциплинами (в особенности – решающее влияние науки на состояние учебных дисциплин). Надо только не уставать повторять, что научные исследования и вузовское преподавание – разные (но равнодостоинные, одинаково востребуемые социумом) типы интеллектуально-творческой деятельности, а также то, что мы пока еще не научились ”правильным образом осуществлять одновременно образовательные и научные процессы” [Фурсенко, 2005, с. 38].

* * *

Какие же выводы прагматического свойства напрашиваются из самых общих размышлений о науке и образовании в современном юридическом знании? Так получилось в истории европейской социальной мысли, закрепившись затем в современном обыденном, идеологически-публицистическом и теоретическом сознании, что *юридическими* нарекаются явления разнопорядковые: *правовые* и *легалистские* (законнические). Отсюда – множество неувязок, путаница в головах и делах. Такие неувязки преодолеваются (конечно, не сразу), если убежденно принимать за *юридическое* лишь *правовое*, исключительно *правовое*. Легалистское (законническое) – иное, нежели *правовое*. Оно другое по генезису, эволюции, бытованию и т.д. Предложенной дифференциацией *правового* (*юридического*) и *легалистского* нисколько не умаляется громадная практическая роль *закона* и значимость тех случаев, когда им опосредуется *право*.

Каковы же последствия возможного разделения науки, научного познания в области государства, закона, права и преподавания учебных дисциплин в юридических вузах? Вполне оправданной будет заявка на существование таких самостоятельных учебных дисциплин, как государствоведение, законоведение, правоведение. Судьба ”Теории государства и права” требует особого разговора. Надлежащая подготовка названных самостоятельных (однако вовсе не отгороженных друг от друга) учебных курсов и их компетентное преподавание, вне всякого сомнения, способны повысить качество выпускаемых юридическими вузами специалистов в области государства, закона, права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гражданское право. Учебник. Т. I. М., 1998.
- Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. Учебник для вузов. М., 2005.
- Крымский С.Б.* Научное знание и принципы его трансформации. Киев, 1974.
- Мудрик А.В.* Социальная педагогика. М., 2000.
- Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. М., 1999.
- Общая теория государства и права. Академический курс. В. 3 т. Т. I. М., 2007.
- Общая теория права и государства. Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. М., 2002.
- Ракитов А.И.* Философские проблемы науки. Системный подход. М., 1977.
- Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2002.
- Теория государства и права. Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова. СПб., 2005.
- Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. М., 1997.
- Фурсенко А.А.* О роли права в развитии науки и образовании // Журнал российского права. 2005. № 12.
- Шкуратов В.А.* Историческая психология. М., 1997.